

УДК 323:164.03

В.И. Постол**ДИКТАТУРА ИС ДЕМОКРАТИЯ:
ДИЛЕММА ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В СВЕТЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Дана общая картина идейно-политической борьбы. Проведен анализ конкурирующих политических дискурсов. Выявлен антагонизм дискурс-строя цензовой буржуазии и революционной демократии. Показана перспектива авторитарной альтернативы.

Ключевые слова: демократия, строй дискурса, антагонизм, диктатура.

Наш путь – стрелой татарской древней воли...

А. Блок

Февральская революция 1917 г. рассматривается сегодня как «мощный рывок в развитии демократии», как первая революция такого рода в XX в., породившая целое направление революций данного типа [1]. Однако в самой России демократическая альтернатива так и не стала предпочтительным направлением общественного развития: очередная «смута» завершилась режимной консолидацией авторитаризма. Исходя из цикличности российской истории («жуткий хаос – жестокий порядок») [2], некоторые исследователи вынесли нашей стране окончательный приговор: «обречена на авторитарное правление» (Р. Пайпс). Конечно, состояние социального хаоса крайне неблагоприятно для общественного развития, но значимость этого мира в том, что именно из хаоса возникает порядок, и то, каким будет этот новый порядок, в решающей степени зависит от человеческого фактора. Здесь правомерно провести аналогию с *бифуркациями*, которые изучаются в неравновесной физике: в данной точке равно возможны все ветви, но будет осуществлена только одна из них. Событие имеет «микроструктуру», и именно эта структура (флуктуация) на микроуровне ответственна за выбор той ветви, которая возникнет после точки бифуркации. Флуктуации являются следствием индивидуальных действий [3]. В связи с этим особый научный интерес представляет анализ дискурсов российских политических сил, вступивших в борьбу за свой способ общения и понимания революционных событий.

Методологическую основу исследования составит дискурс-анализ. Отправной точкой дискурс-анализа является утверждение о том, что «мы получаем доступ к реальности посредством языка. С помощью языка мы создаем репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее» [4. С. 29]. Иными словами, «язык – это не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а “механизм”, который генерирует и конституирует социальный мир» [4. С. 30–31]. Нам уже приходилось применять дискурсаналитический подход – теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [5]. Однако при анализе событий большой масштабности применение инструментария лишь данной постструктуралистской теории будет уже недостаточно. Лакло и Муфф «все социальные практики трактуют как дискурс» [4. С. 199], но ведь существуют и

такие аспекты социального мира, которые функционируют согласно другой логике, нежели логика дискурса, поэтому неизбежны различия между дискурсивными и недискурсивными их измерениями [4. С. 46]. Поэтому мы прибегнем к комбинированию дискурсаналитических подходов, объединим аналитические инструменты *теории дискурса* Лакло и Муффа и *критического дискурс-анализа* Н. Фэркло (менее постструктуралистского), в рамках которого анализируются и коммуникативная ситуация, и порядок дискурса.

Релевантными текстами послужат нам *естественные* материалы – мемуары (воспоминания) А.Ф. Керенского, П.Н. Милукова, Н.Н. Суханова и др. По оценке специалистов, значимость мемуарных источников трудно переоценить: «В особенности ценными являются всякого рода *воспоминания*, дающие тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет с настроениями и представлениями, которых не было ни у кого в ту минуту, когда документ составлялся» [6. С. 523]. Что касается избранных нами источников, то их значимость заключается еще и в том, что, помимо описания масштабных событий, они содержат малоизвестные факты о закулисных сторонах деятельности участников революционных событий, что позволяет лучше понять, почему то или иное историческое событие произошло именно так, а не иначе. После этих предварительных замечаний мы можем перейти к анализу искомым дискурсов.

Прежде всего мы ознакомим читателя с идеологическим дискурсом царской власти. Дискурс – это «совокупность фиксированных значений в пределах специфической области» [4. С. 56]. Идеологический дискурс – это *значение на службе власти* (Фэркло). Узловой точкой, организующей дискурс царской власти, был концепт «самодержавие». Поскольку данный знак уже был предметом нашего анализа [7], в данной статье мы рассмотрим этот вопрос опционно. Известно, что феодальное общество держалось на альянсе монархии и аристократии, который скреплялся церковью и защищался армией. Для защиты права на земельную собственность аристократы имели мандат божественного происхождения: Бог был предполагаемой константой бытия, и всякие попытки поколебать устои божественного порядка неизменно карались смертью [8. С. 46]. Но по мере сдвига от феодализма к капитализму религиозный стержень стал слабеть, консолидируя вокруг себя все меньшее число людей. В новой парадигме центральная ценность общества сместилась от землевладения к владению капиталом. В дискурсивной практике ряда европейских государств начался перенос границ между отдельными дискурсами, стали появляться *гибридные* дискурсы (более адаптированные к новым условиям), включающие, например, такие элементы, как «конституция» и «парламентаризм» [9. С. 7]. Передача эстафеты реальной власти в руки буржуазии формально выглядела «как продолжительный переход от абсолютной монархии к парламентской системе прямых выборов» [8. С. 63]. Заметим, что под сенью конституционализма сумела укрыться не одна европейская монархия.

С момента отмены крепостного права и Россия стала двигаться по либерально-демократическому пути: была заложена основа местного самоуправ-

ления; подверглась реформе судебная система, возникло понятие о гражданских правах; была реализована программа всеобщего начального образования; наконец, появился парламент [10. С. 126]. Однако и после дарования конституции Николай II считал высшую суверенную власть своим божественным правом и твердо верил, что должен свято хранить клятву, которую дал своему отцу: «достойно нести бремя абсолютной монархии» [11. С. 149]. В глазах царя представления о мире были натурализованы (полностью адаптированы), то есть рассматривались не как понимание мира, а как объективный мир [4. С. 290]. Установилась *закрытость* дискурса (остановка флуктуаций в значении данного знака), которая поддерживалась посредством *гегемонии* – подавления альтернативного понимания мира и принятия единственной точки зрения.

Конечно, для сохранения и защиты своего положения правящие классы обычно используют принуждение, но что более важно для стабильности власти, так это производство значения. Согласно концепции «власти/знания» М. Фуко власть является не только *репрессивной*, но и *продуктивной* силой. Именно власть, конструируя дискурс, знания, сущности и реальности, ответственна и за создание социального мира, и за способы его формирования и обсуждения, и за определение правил для альтернативных вариантов существования и общения [4. С. 37–38]. Однако царский режим оставался преимущественно репрессивной силой. Используя *провокационно-охранительный* тип насилия, он постоянно провоцировал или имитировал появление насилия с тем, чтобы, подавив его сверхнасилием, сохранить нормы и идеологию традиционного общества [12. С. 161]. Не приходится удивляться, что *революция* стала рассматриваться как единственная альтернатива *реакции* и что в ходе Февральской революции 1917 г. вопрос о власти решался уже без участия царствующего дома: «Романовых можно было восстановить как династию или использовать как монархический принцип, но их никак нельзя уже было принять за фактор создания новых политических отношений в стране» [13. С. 127]. Таким образом, после отказа самодержавной власти от пересмотра своего идеологического дискурса в новых артикуляциях, ее идеологический дискурс завершился тем, чем нередко заканчивают отдельные дискурсы – они просто исчезают.

Можно согласиться с той точкой зрения, что Февральская революция «...была все-таки случайным событием, явившись результатом нескольких внезапно совпавших обстоятельств, в стечении которых не просматривается никакой логической связи» [10. 128]. Однако если революция «...и была случайной по времени своего начала, то она не была случайной по характеру и направленности перемен <...> имела место... типичная реакция общества на традиционализм и отставание политической системы от новых социальных условий» [1]. Февраль просто смел царский режим как исторический пережиток: старый порядок «развалился одним духом. Строился три века и сгинул в три дня» [13. С. 126]. На повестку дня встал главный вопрос всякой революции – вопрос о власти. Как известно, тогда возникло два центра власти: один из них – Государственная дума – стал политическим штабом *цензовой буржуазии*, другой – Совет рабочих депутатов (с 1 марта – Совет рабочих и солдатских депутатов) – *революционной демократии*. Далее мы рассмотрим ин-

терпретативные репертуары российских либералов и демократических социалистов, вступивших в борьбу за свои способы общения и понимания революционных событий, и за лучшие шансы при демократии. Аналитической конструкцией послужит здесь концепт «дискурс-строй» (порядок дискурса), который применяется для обозначения двух и более дискурсов, стремящихся закрепиться на одной и той же социальной территории. При концентрации внимания на порядке дискурса, социальные последствия становятся более очевидными: «...когда два или более дискурсов в одной и той же области представляют различный взгляд на мир, исследователь может задаться вопросом: каковы последствия того, что один взгляд будет принят вместо другого» [4. С. 105]. Так под какие же знамена призывали народ российские *протодемократические силы* (термин А. Пшеворского) – либералы и демократические социалисты?

Во главе движения всей *цензовой* России стал М.П. Милюков, фактический глава первого революционного правительства. По некоторым оценкам, только он «...был способен перед лицом всей Европы воплотить в себе новую буржуазную Россию, возникающую на развалинах распутинско-помещичьего строя» [13. С. 86]. Высокая политика *цензовиков* проходила под знаком соглашения с царизмом. Узловой точкой, организующей дискурс российских либералов, стал концепт «конституционная монархия». Милюков исходил из того, что «...для укрепления нового порядка нужна сильная власть, и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия» [14. С. 468]. Поэтому надо поддерживать монархию и на ее базисе строить внутреннюю и внешнюю политику. Без опоры на монархию буржуазное правительство «...просто не доживет до созыва Учредительного собрания. Оно окажется углой ладью, которая потонет в океане народных явлений» [14. С. 468]. Очевидно, что *цензовики* стремились спасти династию от демократической революции, поскольку сами они не имели сил на то, чтобы обуздать бунтующие массы.

Между тем в лагере *революционной демократии* проблема высокой политики казалась очевидной: «власть, идущая на смену царизма, должна быть только *буржуазной*» [13. С. 50]. Поэтому Совет принял решение поддержать Временный комитет Госдумы в создании Временного правительства, но в нем не участвовать. Буржуазии предоставлялась возможность «как угодно формировать правительство» [13. С. 143]. Но при этом социалисты высказались за «демократическую республику». Таким образом, демократические социалисты определились с точкой кристаллизации внутри их идеологического дискурса, однако они вовсе не собирались «...делать своими социалистическими руками буржуазное дело... это было бы гибелью доверия демократии и социалистических партий к своим вождям» [14. С. 461]. Не приходится удивляться, что их дискурсивная конструкция не имела структурного единства: «Наша революция, хотя и совершенная демократическими массами, не имеет, правда, ни реальных сил, ни необходимых предпосылок для немедленного преобразования России. Социалистический строй мы создадим у себя на фоне социалистической Европы и при ее помощи» [13. С. 131]. Судя по всему, социалистам еще только предстояло зафиксировать значение наиболее важных знаков в ходе новой артикуляционной практики.

После того, как Временное правительство взяло на себя функции государственной власти, перед социалистическими вождями возникла новая задача: «...не допустить, чтобы совершенный переворот лег в основу буржуазной диктатуры, и обеспечить, чтобы он стал исходной точкой действительного торжества демократии» [13. С. 97–98]. Для ее решения предстояло заключить союз с цензовой буржуазией: «*Без него* буржуазия вместе с царизмом раздавит движение» [13. С. 54]. Компромисс был найден на почве отношения революции к войне и миру. Одним из основных лозунгов социалистических партий, который они развертывали перед массами в уличной агитации, был лозунг «Долой войну!» Очевидно, что для буржуазии, заинтересованной в «войне до конца», этот лозунг был неприемлем. Поэтому в социалистическом лагере свернули циммервальдское знамя и сняли с очереди лозунги против войны, выставив Временному правительству следующие условия: «...декларация полной политической свободы, амнистия и немедленные меры к созыву Учредительного собрания...» [13. С. 134].

Милюков признал все пункты требований приемлемыми, кроме третьего, который гласил: «Временное правительство не должно предпринимать никаких шагов, предreshающих будущую форму правления». Этот пункт требовал предоставления Учредительному собранию (и лишь ему одному) права решить вопрос о государственном устройстве и тем самым лишал правительство Милюкова «*права предreshать* его в той или иной форме» [13. С. 151]. Вопрос был принципиальным: социалисты были сторонники демократической республики, либералы же выступали за конституционную монархию. В ходе обсуждения была найдена *фигура умолчания*: не помещать в декларацию *официального* обязательства. Это давало право правительству «хлопотать о романовской монархии», а Совету – вести борьбу «за демократическую республику».

Соглашение, таким образом, стало лишь *уговором об условиях поединка* [13. С. 177]. Со стороны *революционной демократии* «...была ясна, была естественна и необходима перспектива не сотрудничества и контакта, а *борьбы*, самой законной, правомерной и исторически неизбежной классовой борьбы между революционной демократией и цензовым правительством». От власти требовалось «...не *соглашение* с революционной демократией на той или иной программе, платформе, а лишь предоставление революционной демократии *свободы действий*, свободы беспрепятственного развертывания своей программы...» [13. С. 134]. Между тем все переходы к демократии осуществляются путем переговоров: «в одних случаях с представителями прежнего режима, в других – между *протодемократическими* силами, создающими новую систему». В зависимости от соотношения сил исход может быть следующим: «...либо устанавливается некоторая демократическая институциональная структура, либо начинается борьба за диктатуру» [15. С. 122]. В силу того, что проблема власти разрешалась уже независимо от династии Романовых, исход демократического перехода в решающей степени стал зависеть от согласованных действий либералов и демократических социалистов. Нужно сказать, что в порядке дискурса возможны как и *гегемония* – разрешение конфликта за счет переноса границ между дискурсами, так и *антагонизм* – открытый конфликт между дискурсами [4. С. 105]. Поскольку протодемократические дискурсы частично накрывали одну и ту же социальную террито-

рию, открывалась возможность для переноса границ между ними и достижения соответствующих соглашений. Однако сложился антагонистический дискурс-строй.

Различия в социальных взглядах обусловили различия и в политических действиях. Не прошло и недели со времени соглашения, как «орган цензовиков и орган демократии уже вполне определились как две противостоящие друг другу силы <...> как два источника государственной власти – один формально признанный, другой обладающий максимальной реальной силой. В результате *текущая* политика революции определилась как некая равнодействующая двух сил. В области же *общей* политики, ввиду непримиримости классовых интересов, в перспективе решающих схваток, обе стороны стали мобилизовать свои силы» [13. С. 250]. Вместо создания единого фронта против авторитаризма российские протодемократические группировки образовали две оппозиционные коалиции, каждая из которых взяла курс на установление диктатуры. Однако ни одна из них в отдельности не имела реальных шансов на успех, ибо ни российские реформаторы, ни демократические социалисты не обладали для этого собственной организованной политической силой. Другое дело – большевики, которые взяли курс на установление в стране диктатуры пролетариата и последовательно вели соответствующую организационную и агитационную работу. Но политический дискурс российских радикалов – это уже предмет последующего анализа.

Литература

1. Медушевский А.Н. Февраль 17-го – типичная реакция общества на традиционализм // Февральская революция 1917 года в российской истории: круглый стол. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iri-gan.ru/krugstol-05-07.rtf>
2. Механик А. Жуткий хаос – жестокий порядок // Эксперт. 2008. № 1. С. 30–35.
3. Пригожин И. Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 15–21.
4. Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. X., 2008. 352 с.
5. Постол В.И. О роли дискурса в становлении представительной демократии // Connect-Универсум – 2009: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической интернет-конференции с международным участием. Томск, 2010. С. 202–205.
6. Источниковедение истории СССР. М., 1973. 560 с.
7. Постол В.И. Крушение царизма – Воспоминания – Дискурс-анализ // Документ как социокультурный феномен. Томск, 2010. С. 409 – 413.
8. Александр Бард и Ян Зодерквист. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004. 252 с.
9. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005. 336 с.
10. Кеннан Дж. Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» / Пер. и ком. Д. Соловьева. М., 2006. 240 с.
11. Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории / Пер. с англ. М., 2006. 534 с.
12. Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М., 2007. 272 с.
13. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1, кн. 1–2. М., 1991. 383 с.
14. Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 528 с.
15. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. М., 1999. 320 с.